

А. М. Калюта (Минск)

РУССКИЙ ЯЗЫК В XXI ВЕКЕ: УЖЕ ПИДЖИН ИЛИ ЕЩЕ ВСЕ-ТАКИ ЯЗЫК?

*Любой язык все время меняется, так что
каждое новое поколение взрослых считает,
что молодежь говорит и пишет неправильно.*

Гастон Доррен

Это высказывание голландского лингвиста отражает вечное противостояние взглядов представителей разных поколений на язык, способы его изменения и средства, которые при этом используются. Среди способов наиболее распространенным признается заимствование, а среди средств – слова как наиболее подвижные, легко перемещаемые элементы языка. Как отмечали белорусские лингвисты, «по характеру своей семантики и по особенностям системной организации лексика – это тот языковой уровень, который «должен» и «может» изменяться интенсивнее всех» [1, с. 391]. Пополнение словарного запаса за счет иностранных слов происходило всегда, будучи результатом контактов языков и культур, однако в XXI веке следствием такого рода контактов в сложившейся ситуации снятия запретов на информацию стала настоящая интервенция заимствований.

Массовое проникновение иностранных слов в русский язык – явление обычное. Стремление к идеализации всего иностранного, преклонение перед ним – вообще характерная особенность русского общества в разные периоды его существования. В этом видится одна из субъективных причин появления большого количества заимствований. Общество в отношении подражания иностранному и язык в отношении заимствований переживают времена подъема и спада. Еще А. С. Грибоедов в комедии «Горе от ума» устами Чацкого произнес *«Как с ранних пор привыкли верить мы, что нам без немцев нет спасенья!»*, а пушкинская Татьяна, хоть и была *«русская душою»*, свою любовь к Онегину выражала по-французски, поскольку, как пояснил А. С. Пушкин, *«доныне дамская любовь не изъяснялася по-русски»*.

Однако увлечение заимствованиями как бы вызвало к борьбе за чистоту языка с отстаиванием самобытных традиций. Во времена раннего Пушкина было создано «Общество российской словесности», которое всячески способствовало распространению русской культуры и традиций, развитию русской филологии и расширению возможности преподавать на родном языке. Борьба двух взглядов на перспективы развития общества в XIX веке также ярко выразилась в противостоянии славянофилов и западников.

Можно привести примеры другого рода, когда государство уже по идеологическим соображениям ставило барьер на пути проникновения в общество всего иностранного силовым, запретительным путем и боролось с «безродным космополитизмом»: в Уголовном Кодексе СССР 1947 г. статья 32 содержала пункт 3 «Преклонение перед Западом», за что люди могли получить 10 лет лишения свободы. Со времен хрущевской оттепели в русский язык даже вошло политическое клише «тлетворное влияние Запада», которым «награждали» низкопоклонство перед границей. Впрочем, даже эти запретительные меры не смогли воспрепятствовать проникновению в русский язык 40-х годов XX века многочисленных немецких экзотизмов (*зондерфюрер, полиция, фольксдойче, рейхскомиссар, гестапо, мессеримитт, блицкриг, абвер* и др.).

Во времена строгих запретов поток заимствований сдерживался искусственно. Современное же общество в России и Беларуси явно находится на гребне очередной волны тяги к иностранному. И если в экономической, финансовой и политической областях еще можно усмотреть примеры стремления защитить свое, отечественное (вспомним хотя бы санкции и связанные с ними контрмеры по укреплению

рубля, банковской сферы, защите рынка и т. п.), то в отношении языка таких преград нет. Культурная форма языковых контактов приводит к переизбытку, в первую очередь, англицизмов. Русский язык (особенно это заметно в речи молодого поколения и ярко отражается в СМИ) все больше напоминает русско-английский пиджин. При этом объяснить этот шквал заимствований только условиями «лексического дефицита», как выразился У. Вайнрайх [2], не получается. Вот заголовки с нижегородского сайта nn.ru: «Зимний **look** кремлевских деревьев» (10.01.19); «Яму вырыли возле **гейта** № 1». А вот три предложения ведущей российской спортивной газеты: «Но гораздо больше, чем игра или результат, разговоров вызвал **аутфит** американской суперзвезды» (СЭ, 28.05.19); «...довольно забавный **фидбек** получаю регулярно, – пишет хороший спортивный журналист Г. Черданцев. – Сегодня в аэропорту многие... ставили **хайлайты** матча с моими комментариями» (СЭ, 21.04.2019); «Это **only** бизнес» (интервью спортивного директора, СЭ, 19.08.19).

Дикость, если обычный русский человек, описывая условия проведения своей политической акции, говорит: «**Саппорт** у нас был, спасибо анархистам и навальнистам...» (nn.ru. 17.05.2019). Каким лексическим дефицитом вызвано появление слов *look*, *гейт*, *аутфит*, *саппорт*, *фидбек* и *хайлайт*? Конечно, здесь действуют иные причины: мода на англицизмы, свойственное молодежной среде стремление не прослыть отсталым, подсознательное желание продемонстрировать собственную «крутость» и лихость стиля. Такая пиджинизация русской речи имеет другие корни, чем та, которую замечательно показала Татьяна Толстая в эссе «Надежда и опора», вот один из примеров: *Из драйввэя сразу бери направо, на следующем огне будет ю-терн, бери его и пили две мили до плазы. За севен-элевроном опять направо, через три блока будет экзит, не пропусти. Номера у него нет, но это не тот экзит, где газ, а тот, где хот-дожная.* Такой «рунглиш» стал возможным благодаря иному языковому окружению, которое вынуждает носителей родного языка использовать лексику языка, доминирующего в обществе.

В российском и белорусском русскоговорящем пространстве ситуация иная. Здесь английский – признак крутости, образованности, актуальный «тренд», символ причастности к глобальным мировым процессам. Конечно, не любое взятое из английского слово станет частью русского лексикона. Тут следует уточнить значение термина

заимствование. Когда говорят «язык заимствовал», это означает, что количество употреблений конкретного иностранного слова перевалило некий размытый критический порог и стало фактом языка. Теоретически любое из замеченных в речи слов иностранного происхождения может преодолеть этот порог и получить официальный статус. Но на практике так не бывает. Некоторые лингвисты [3] даже писали о саморегуляции языка, понимая под этим стандартизацию языковых привычек носителей языка. То есть они отдают все на откуп стихийности языкового развития, а лингвистам оставляют лишь возможность наблюдения и констатации фактов. Однако есть и другая точка зрения, по которой «сильное и продолжительное влияние одного языка на другой может привести к такому большому наплыву иностранной лексики, что и весь облик заимствующего языка претерпит значительные изменения» [4].

Эта угроза и указала путь очищения, лучше сказать охраны языка, по которому пошли во Франции и Канаде. Во Франции, где использование иностранных слов приравнивается к посягательству на национальную культуру и суверенитет, начиная с 1975 г. борьба с заимствованиями ведется с помощью законодательных мер, внимательно отслеживаются все случаи их употребления, в первую очередь, англицизмы. В канадской провинции Квебек особо ревностно относятся к французским словам и презрительно к «американщине». [1]. Вспомним и историю возрождения чешского языка, сумевшего преодолеть засилье немецкого благодаря титанической деятельности Йозефа Юнгмана и его сподвижников.

В России и Беларуси государство прямо не вмешивается в языковые процессы, но косвенно все же влияет на них. Как отмечают российские исследователи, «на рубеже XX–XXI вв. "американомания" возникла в результате сознательной государственной политики с ее ориентацией на западный образ жизни, западную модель общества и, прежде всего, западную экономику. Кроме того, в этот период снизился авторитет русского языка в современном мире: с распадом СССР наш язык перестал быть государственным языком в бывших советских республиках (за исключением Белоруссии)» [7, с. 60]. Все же в 2014 г. депутатами Госдумы был предложен законопроект о штрафах за неоправданное публичное использование иностранных слов, но законом он так и не стал. То есть по пути Франции и Канады никто идти не собирается.

В Беларуси Закон о языках 1990 г. и в последующих редакциях лишь регламентирует государственный статус и право на использование белорусского и русского языков и «обеспечивает всестороннее развитие и функционирование», никак не касаясь содержательной стороны.

Между тем мощное влияние англо-американской культуры приводит не только к процессам отторжения исконной русской лексики и вытеснения ее англицизмами, но и к новым сдвигам в грамматическом строе в сторону аналитизма [5, с. 98]. Этот давно идущий процесс особенно активизировался «благодаря» рекламным текстам, где разрастается вал нарушений норм склонения существительных, особенно в сфере имен собственных. Он распространился в текстах СМИ, замечен уже и в литературе. Вот лишь несколько примеров: *В «Megamom» время выгодных покупок*; *Одна порция «Тайд» придает белью чистоту*; *В Польше задержали белоруса на угнанном Mercedes* (tut.by); *Мой гол подкосил вратаря «Ак Барс»* (СЭ); *Леди Гага в Минске не будет* (ПБ); *Пьяный на Mazda сбил пешехода* (tut.by); *Нижегородский бизнесмен вызвал по пьяни скорую и заблокировал ее своим Hammer* (nn.ru); *Они являются звездами Instagram* (yandex.ru); *Во всех регионах Беларуси, кроме Минск, подорожал проезд* (Telegraf.by); *Специальный показ «Сталкер» с критиком Александром Долиным* (Афиша tut.by); *Новый год с Ваше лото!* (Ваша Лато); *Полтора года работала по специальности, потом ученицей крановщика на «Прибор»*. Почему именно на «Прибор»? Да какая разница... (Д. Корецкий. «Секретные поручения») и т. д.

М. В. Панов, обозначая тенденции в развитии современного русского языка, отмечал: «Растет число имен, у которых нет форм косвенных падежей» [9, с. 10]. Панов имел в виду иные случаи, но удивительным образом его высказывание распространяется и на описываемую нами тенденцию. Вот и получается, что интервенция заимствований в русский язык на фоне искусственного ослабления роли падежных флексий ставит русский язык в новые исторические условия, когда он вынужден балансировать между традицией и новациями.

В семантике также происходят изменения на фоне столкновения старого и нового. Как отмечал У. Вайнрайх, «с точки зрения семантики и стилистики заимствованная лексика может сначала оказаться в положении свободного варьирования со старым словарным запасом, но в дальнейшем, если и родное и заимствованное слово выживают,

обычно происходит специализация значений» [2]. Так, к примеру, происходит с новым заимствованием *барбершоп*, которое на фоне русифицированного *парикмахерская* специализирует свою семантику: *Мода на барбершопы*, или *мужские парикмахерские*, появилась не так давно (Лента.ру). Впрочем, ряд примеров заставляет сомневаться, что значение слова уже устоялось: *Все, как правило, открывают обычные салоны красоты вроде наших «Светлана» или «У Юли». И называют их барбершопами. Там все называется барбершопами* (lenta.ru).

При этих тенденциях было интересно выяснить, как нынешние молодые носители языка сами воспринимают лексические и грамматические новации, есть ли у них сопротивление навязываемым формам, которое присутствует в пуристически настроенной части носителей языка старших поколений. С этой целью мы провели эксперимент, в котором приняли участие 100 человек: школьники старших классов школ г. Минска и студенты филологического факультета БГУ в возрасте от 16 до 22 лет, из них 55 человек женского и 45 мужского полов. Каждому участнику эксперимента предлагалась анкета с 10 предложениями. В них в пустые места надо было вписать подходящее слово, выбрав его из прилагаемого перечня. У всех участников был выбор между уже давно используемым в языке словом и модным нововведением (*хейтер*, *хайп*, *барбершоп*, *файерплэйс*, *баттл*, *лайфхак*, *аутифит*, *лук*, *юзер*, *зафрендиться*, *пошопиться*, *бойфренд*). Для примера приведем первое задание: *У Бузовой в Инстаграме на 10 млн. подписчиков 2 млн. ....* (ненавистников, хейтеров, недоброжелателей). Общие результаты эксперимента отражены в таблице 1.

Таблица 1.

№ пп	Варианты слов	Кол-во слов	Ж	М	Всего
1–10.	новомодное	12	224 (18,5 %)	305 (31 %)	529 (24 %)
	старая форма	20	964 (80,5 %)	683 (69 %)	1647 (75 %)
	не дали ответ		12 (1 %)	–	12 (1 %)

24 % опрошенных предпочли новомодную форму старой, причем ее выбрала треть опрошенных юношей и четверть девушек. В целом, выбор участниками эксперимента той или иной формы зависит от конкретного случая. Так, 74 % участников эксперимента предпочли слово *хейтер* словам *недоброжелатели* и *ненавистники*, 48 % предпочли слово *лайфхак* словам *советы*, *рекомендации*, *инструкции*, а 45 % – слово *хайп* словам *ажитаж* и *шум*. Напротив, 87 % опро-

шенных предпочли старое *кострище* входящему в моду *файер-плейс* (10 %).

Вместе с тем следует помнить, что тенденция к неразборчивому заимствованию имеет свойство распространяться, редуцируя возможности русской лексики, отвоевывая у нее речевое пространство. Вот один из свежих примеров: *Не то чтобы я музыкальный эксперт, но мотаюсь по **опен-эйрам** и рок-концертам половину своей жизни* (nn.ru 21.08.19). Очевидно, что вся история русского литературного языка свидетельствует о его особой «демократичности» и крайней терпимости к чужим словам. Как писали белорусские лингвисты, «...ему всегда был чужд воинствующий ксенофобный пуризм, он много и легко заимствовал, и заимствования здесь не воспринимались как угроза национальной самобытности» [8, с. 399]. Однако давление извне на лексическую систему часто в условиях отсутствия «лексического дефицита», о котором писал У. Вайнрайх, приводит к переизбытку заимствований и вытеснению из употребления исконных элементов. Поэтому, как отмечал В. М. Живов, «язык меняется не в силу системных внутрилингвистических факторов (абстрактных «законов изменения»), а в результате взаимодействия различных социокультурных параметров его употребления» [4], а Л. И. Скворцов прямо говорил, что «иноземное засилье нам грозит» [10].

Конечно, до статуса пиджина русскому языку далеко. У языка пока хватает сил и средств, чтобы бороться с иноязыковой интервенцией. Но в этой борьбе здорового консерватизма против чужеродных лексических нововведений силы не равны: ясно, что консерватизм проигрывает. Он всегда проигрывал, во все времена, однако играл свою положительную роль, обращая внимание носителей языка на проблемы языка. Говорить об этом надо, потому что, отражая чужую картину мира, мы меняем национальный менталитет.

1. Общее языкознание / под общей ред. А. Е. Супруна. – Минск, 1983.
2. Вайнрайх, У. Одноязычие и многоязычие / У. Вайнрайх // Новое в лингвистике. – 1972. – № 6.
3. Костомаров, В. Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа / В. Г. Костомаров. – СПб., 1999.
4. <http://news.flarus.ru/?topic=7929>
5. Хауген, Э. Языковой контакт / Э. Хауген // Новое в лингвистике. – 1972. – № 6.
6. Маринова, Е. В. «Вечный вопрос» о заимствованиях / Е. В. Маринова. – Русская речь. – 2014. – № 2. – С. 59–65.

7. Калюта, А. М. Всегда ли язык изменяется в нужную сторону? / А. М. Калюта // In honorem. Сб. ст. к 90-летию А. Е. Супруна. – Минск, 2018. – С. 95–103.

8. Панов, М. В. О некоторых общих тенденциях в развитии русского литературного языка XX века / М. В. Панов. – Вопросы языкознания. – 1963. – № 1. – С. 3–17.

9. Живов, В. М. Язык и революция. Размышления над старой книгой А. М. Селищева / В. М. Живов // Отечественные записки. – 2004. – № 5.

10. Скворцов, Л. И. Язык, общение и культура (Экология и язык) / Л. И. Скворцов // Русский язык в школе. – 1994. – № 1.